

АДАПТИВНЫЙ ПОЖИРАТЕЛЬ

КНИГА IV

ГЛАДКИХ ВАЛЕНТИН

18+

Валентин Гладких

Адаптивный пожиратель 4

<https://litres.ru/74356388>

SelfPub; 2026

Аннотация

Убежище под горой не спасает людей — оно только даёт им время понять, что они вошли в чужую систему. Холодные тоннели, дефицит ресурсов и следы древних механизмов превращают каждый выход наружу в риск. Савину нужно удержать хрупкую группу выживших, разобраться в устройстве горы и не дать новой угрозе добраться до тех, кого он обещал защитить. Здесь даже камень может оказаться частью чего-то живого.

Содержание

Пролог	4
Глава 1 — Назад	15
Глава 2 — Голод	39
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Адаптивный пожиратель 4

Пролог

Гора не была убежищем. Она просто ещё не успела их убить.

Камень держал холод лучше любого корабельного металла. Днём он оставался ледяным, ночью становился таким, что пальцы немели даже через ткань. Вода шла по стенам тонкими прозрачными дорожками, собиралась в трещинах и капала с потолка с почти издевательской точностью.

Одна капля. Пауза. Вторая. Ещё пауза. Лада перестала считать их давно. Сначала счёт помогал не думать о времени. Потом время всё равно победило.

Одиннадцать человек жили в боковой камере старого горного тоннеля. Слово «жили» подходило плохо. Они не строили планы на месяцы, не выбирали удобные места для сна и не спорили, кто будет дежурить у кухни. Кухни не было. Нормальных кроватей тоже.

Были каменные ниши, вода и светлые клубни, которые нашли глубже в трещинах после того, как один из мужчин заметил обгрызенные оболочки возле стены. Была серая грибная масса на влажных участках. Её варить было негде, поэтому ели сырой, маленькими кусками, проверяя каждый новый участок на тех, кто попробует первым и останется жив.

И был вход. Раньше. Теперь на его месте лежала гора. Обвал пришёл ночью.

Сначала по полу прошла короткая дрожь. Никто не вскочил. После всего, что они пережили, мелкие толчки стали почти привычными. Камень иногда двигался. Где-то далеко что-то падало. Вода меняла звук.

Потом дрожь вернулась сильнее. С потолка посыпалась пыль.

Кто-то успел сказать:

— В сторону.

Дальше звук проглотил всё.

Каменная масса ударила в главный тоннель так, будто снаружи в гору въехал грузовой модуль. Воздух толкнул людей к стенам. Свет от единственного слабого аварийного элемента исчез в серой пыли. Несколько секунд никто не понимал, где потолок и где проход.

Лада тогда не упала только потому, что уже лежала.

Она почувствовала удар через спину.

Потом ещё один.

Потом рядом кто-то кашлянул кровью.

Когда пыль осела, входа не было.

Там, где раньше тянулся узкий проход к наружному склону, теперь стояла неровная стена из свежего камня. Между плитами проходили тонкие щели. Из одной тянуло холодом. Воздух шёл. Это спасло их от паники, но не от проблемы. Первые часы они разбирали край завала руками, потом

нашли длинную костяную пластину и использовали её как рычаг. Потом остановились.

Сдвинутый камень размером с человеческую голову заставил весь пласт над ним опуститься на несколько пальцев.

После этого никто больше не говорил «просто раскопай».

Гора объяснила правила быстро. Лишнее усилие могло открыть проход или закрыть последнюю камеру вместе с одиннадцатью людьми внутри. Они выбрали ждать.

Ожидание оказалось работой.

Воду собирали в всё, что удерживало жидкость: куски человеческих контейнеров, вогнутые пластины, обрезки мягкой упаковки, даже очищенные оболочки местных клубней. Пить давали по очереди. Не поровну.

Тем, у кого начиналась лихорадка, давали больше. Тем, кто ходил в дальние ниши за едой, — тоже. Ладе — столько, сколько она могла удержать внутри.

Еда делилась ещё хуже.

Сначала каждый получал кусок, потом половину. Потом перестали называть это приёмом пищи — просто жевали, когда начинали дрожать руки.

Серая масса почти не имела вкуса. Клубни были горькими и оставляли на языке металлическую сухость. Один участок грибов вызвал у двоих рвоту. Его отметили полосой ткани и больше не трогали.

Через несколько дней люди стали смотреть на эту ткань

слишком долго.

Голод менял значение опасных вещей.

Лада наблюдала за этим молча. Говорить много стало роскошью: грудь после каждого длинного предложения начинала болеть. Иногда перед глазами темнело. Тогда приходилось лежать неподвижно и ждать, пока сердце перестанет проваливаться куда-то слишком глубоко.

Лекарство, которое Савин передал раньше, сделало своё. Без него она, скорее всего, уже не лежала бы здесь. Но лекарство не превратило повреждённое тело в здоровое — оно просто купило время.

Савин вообще часто приносил время: иногда в виде воды, иногда в виде еды, иногда в виде убитого существа, от которого лучше было не спрашивать, что именно он взял себе. Иногда — в виде собственного тела, которое принимало удар вместо чужого. А потом уходил. Всегда один.

В первый день после обвала несколько человек спорили, стоит ли ждать именно его. На второй спорили тише, на третий перестали. Не потому, что все поверили, что Савин вернётся, — просто других вариантов не появилось.

Они не знали, что происходило у «Альтаира», добрался ли он до корабля, остался ли корабль целым настолько, чтобы в нём вообще можно было кого-то искать, и жив ли сам Савин. У них не было связи, карты и часов, которым кто-то ещё доверял.

Был только человек, который однажды уже ушёл в мир,

где всё пыталось его съесть, и потом вернулся.

Правда, человеком он возвращался всё меньше.

Это тоже никто не обсуждал долго.

Первый раз Лада увидела корни близко, когда Савин вытаскивал людей из клеток. Тогда они казались невозможной частью тела: слишком быстрые, слишком сильные, слишком чужие.

Потом к ним добавились пластины, изменения под кожей, запах, который иногда становился не человеческим, и взгляд, задерживавшийся на ранах чуть дольше, чем хотелось.

Лада видела, как другие замечают то же самое.

И видела, как Савин замечает их реакцию.

Наверное, поэтому он никогда не задерживался рядом дольше необходимого.

Спасти.

Принести.

Проверить.

Уйти.

Иногда одиночество выглядело не как отсутствие людей.

Иногда оно выглядело как человек, стоящий среди них и уже знающий, что никто не попросит его остаться.

Лада закрыла глаза.

Капля упала рядом с виском.

Потом ещё одна.

— Пить будешь? — спросили справа.

Она открыла глаза.

Женщина держала маленькую вогнутую пластину. На дне блестело несколько глотков воды.

— Позже.

— Потом может не быть.

— Тогда сейчас.

Она приподнялась на локте.

Мир сразу качнулся.

Чужая рука поддержала плечи.

Лада выпила медленно.

Вода пахла камнем и грибами.

После второго глотка стало холодно внутри груди.

После третьего желудок болезненно сжался.

Она остановилась.

— Хватит.

— Там ещё есть.

— Кому-то нужнее.

— Все так говорят.

— Значит, у нас очень воспитанная голодная компания.

Женщина усмехнулась. Слабо, но усмехнулась. Это тоже было ресурсом. Редким.

К вечеру один из мужчин вернулся из дальней боковой щели с тремя клубнями.

Три штуки на одиннадцать человек.

Никто не пожаловался.

Он положил добычу на плоский камень.

Клубни были размером с два пальца, покрытые прозрачной кожицей и серой землёй. Один треснул при переноске. Изнутри выступила белая густая жидкость.

Все смотрели.

— Сначала проверим, — сказал мужчина.

— Уже ели такие.

— Этот темнее.

— На одну полоску.

— Именно.

Он отрезал самый маленький кусок.

Съел.

Остальные ждали.

Через несколько минут он пожал плечами.

— Пока живой.

— Убедительно, — сказала Лада.

Клубни разделили.

Ей достался кусок меньше ногтя.

Она жевала долго — не из-за вкуса, просто так казалось, что еды больше.

После еды один человек пошёл к завалу. Это стало ритуалом: два раза за условный день кто-нибудь подходил к свежей стене, прикладывал ладонь к плите и слушал.

Иногда камень приносил движение воды.

Иногда осыпь.

Иногда далёкие удары, слишком ровные для падения.

Сначала каждый звук заставлял всех замолкать.

Потом люди научились различать надежду и обычный шум горы.

Почти.

Мужчина у стены приложил ухо к камню.

Постоял.

Стукнул костяной пластиной.

Три раза.

Пауза.

Два.

Пауза.

Три.

Они придумали этот ритм после обвала.

Не код.

Не язык.

Просто последовательность, которую трудно спутать с каплями или случайно падающим камнем.

Если снаружи кто-нибудь живой — он услышит.

Если это будет Савин — возможно, поймёт.

Мужчина подождал.

Ответа не было.

Он повторил.

Три.

Два.

Три.

Тишина.

— Хватит, — сказал кто-то.

Он опустил пластину.

Никто не сказал, что это бесполезно.

Такие слова им тоже были не нужны.

Ночью стало холоднее. Люди легли ближе друг к другу — не из нежности, просто тело рядом давало тепло.

Несколько человек оставались у дальней щели, где воздух проходил сильнее. Если поток исчезнет, нужно было разбудить всех сразу.

Если усилится — тоже.

Если появится запах дыма — тем более.

Гора научила их уважать изменения.

Лада лежала у стены.

Сон не приходил.

Сердце работало неровно. Не опасно прямо сейчас. Просто напоминало о себе слишком отчётливо.

Она приложила ладонь к груди.

Под пальцами чувствовались рёбра.

Раньше так не было.

Все похудели.

У некоторых лица стали острыми. У мужчины, который ходил за клубнями, ремень уже не держал штаны без дополнительного узла. Женщина рядом с Ладой обмотала запястье тканью, потому что браслет соскальзывал с руки.

Одиннадцать живых.

Пока.

Лада ненавидела это слово.

На «Альтаире» оно, наверное, звучало так же часто.

Пока есть воздух.

Пока есть питание.

Пока держится корпус.

Здесь всё было проще.

Пока есть вода.

Пока можно найти что-то съедобное.

Пока потолок не решил стать полом.

Пока кто-нибудь достаточно сильный, чтобы идти наружу,
не пришёл за ними.

Мысль о Савине вернулась сама.

Она представила его не таким, каким видела в последний
раз.

А таким, каким он мог стать сейчас.

Ещё больше чужой ткани.

Ещё меньше человеческой формы.

Возможно, новые органы.

Новые корни.

Новые движения, которые невозможно принять за человеческие.

И всё тот же раздражённый голос, когда кто-то делает глупость.

Лада неожиданно улыбнулась. Слабо, больно, но улыбнулась.

— Чего? — спросила женщина рядом.

— Ничего.

— Тогда не трать силы.

— Хороший совет.

— Бесплатный.

— Значит, подозрительный.

Женщина тихо фыркнула и отвернулась.

Через некоторое время камера затихла.

Капли продолжали падать.

Вода текла по старым трещинам.

Где-то глубже в горе иногда проходила слабая дрожь.

Не шаги.

Не ответ.

Просто камень жил своей медленной жизнью.

У завала лежала костяная пластина.

Утром кто-нибудь снова возьмёт её.

Стукнет три раза.

Потом два.

Потом три.

И будет ждать.

Не потому, что был уверен.

А потому, что если перестать стучать, возвращаться действительно станет некому.

Глава 1 — Назад

Я уходил от «Альтаира» медленно. Слово «уходил» вообще звучало слишком уверенно для того, что я делал. Я скорее последовательно переносил себя с одного участка мёртвой земли на другой и каждый раз проверял, не решил ли организм на этом закончить сотрудничество.

Корабль оставался за спиной. Я не оборачивался первые минут двадцать. Не потому, что боялся передумать. Передумывать было поздно. Двадцать человек внутри получили воздух, воду, питание, закрытые входы и время. Не безопасность — на этой планете я уже перестал использовать это слово даже мысленно. Но время — да. Время у них было.

У меня — тоже, если тело не возражало.

Оно возражало.

Правое плечо слушалось с задержкой. Я поднимал руку, а ощущение положения конечности приходило чуть позже, как плохая связь с собственным мясом. Пальцы работали. Локоть сгибался. Этого хватало, чтобы не считать руку декоративной.

Левый корень был коротким толстым крюком. Хорошим упором, плохой заменой тому, что когда-то могло тянуться дальше тела. Правый остался коротким фиксатором возле бока. Сильным, но почти слепым. Я чувствовал давление, натяжение, грубый контакт — и мало что ещё.

Кислотная железа была пустой. Костяной магазин — тоже. Энергетический орган существовал, проводящие пути никуда не делись, но внутри было так же пусто, как в давно отключённой батарее.

Перегрузка? Можно было попробовать. Один раз. Наверное. После чего очень быстро выяснить, какие органы организм готов съесть первыми, чтобы оплатить мою глупость.

Я не пробовал.

Вместо этого шёл.

Под ногами хрустела тонкая чёрная корка. Когда-то здесь была трава или её местный аналог. Потом пришёл огонь. Потом пепел намок, высох, снова намок и превратился в ломкую поверхность, под которой пряталась жирная серая грязь.

Левая стопа провалилась по щиколотку.

Я дёрнулся, слишком резко перенёс вес на правую ногу и сразу получил тупую боль в колене.

— Отлично.

Голос прозвучал хрипло.

После корабельного воздуха наружный холод резал горло. В нём пахло мокрым камнем, гарью и чем-то металлическим. Запах «Альтаира» ещё держался на коже: стерилизационные смеси, кровь, пластик, горелая изоляция. Ветер постепенно сдирал его.

Я вытащил ногу из грязи и постоял, пока дрожь в бедре не ушла.

Интерфейс только подтвердил то, что тело и без него со-

общало каждым шагом: воды и питательной массы мало, энергии, кислоты и шил нет. Несколько метров подъёма давали о собственном состоянии куда более подробный отчёт.

Я продолжил.

Направление я знал не по карте, не по спутнику и не по красивой стрелке перед глазами. По местности.

Вдали тянулась горная гряда. Между ней и кораблём лежала земля, которую я уже проходил в другую сторону. Тогда ориентиры были другими. Где-то торчал расколотый каменный зубец. Где-то ручей резал склон. Где-то чёрные деревья стояли плотной полосой.

Теперь часть зубцов обрушилась, ручья местами не было, а полоса деревьев закончилась широкой проплешиной, будто по ней протащили раскалённый нож.

Пожары после падения корабля не просто выжгли лес. Они продолжали менять всё вокруг. Подгоревшие корни не держали почву. Склоны осыпались. Вода прокладывала новые каналы. Ветер таскал пепел по низинам и забивал им старые трещины.

Я несколько раз останавливался, чтобы не спутать знакомство с уверенностью.

Планета имела неприятную привычку исправлять мои карты без предупреждения.

Через какое-то время сухость во рту стала не раздражением, а отдельным ощущением.

Язык прилипал к нёбу.

Губы потрескались. При вдохе холодный воздух царапал слизистую. Сердце билось быстро, хотя я шёл медленнее обычного человека после тяжёлой смены.

Организм экономил, и это ощущалось во всём. Кожа почти не потела, дыхание стало неглубоким, мышцы не давали полной силы даже там, где не были повреждены. Броневая сетка не держала постоянную плотность: собиралась только там, где я переносил нагрузку или задевал камень, и почти сразу отпускала ткани.

Хорошо.

Значит, система ещё умела выбирать.

Плохо.

Значит, выбирать ей приходилось.

Я проверил две ампулы. Целы. Пальцы задержались на гладких корпусах чуть дольше необходимого.

На «Альтаире» мне хватило возможностей потратить их на себя.

Не потратил.

Теперь они весили почти ничего, но я чувствовал их сильнее, чем мёртвый повторитель и кусок погнутого металла.

Потому что у них была цель — если Лада и остальные живы. Это «если» шло рядом со мной с самого выхода, и я не пытался его прогнать.

Людей я оставил у горы давно.

Насколько давно — другой вопрос.

На корабле время быстро превратилось в последователь-

ность событий. Отсек. Сигнал. Ещё один сигнал. Раненый. Смерть. Воздух. Вода. Горин. Чёрно-синяя линия.

До корабля было то же самое.

Дороги, бой, кормление, раны, чужой город, снова дорога.

Когда каждый следующий час может стать последним, календарь теряет уважение к себе.

Я помнил смены света, периоды сна, то, как долго заживали крупные повреждения и сколько раз организм проваливался в тяжёлое восстановление. Но сложить это в точное число дней уже не мог. Недели. Много недель.

Больше я себе не позволил.

Придумывать точную цифру только ради ощущения контроля было бы глупо.

А я сегодня решил экономить вообще всё.

Даже глупость.

Склон впереди стал положе.

Там, где раньше между камнями лежала сухая ложбина, теперь блестела вода.

Я сначала остановился, потом присел и ещё минуту просто смотрел, потому что на этой планете привычка радоваться воде без проверки могла однажды закончиться очень короткой биографией.

Небольшой поток шёл из-под серого осыпавшегося пласта. Вода собиралась в неровной каменной чаше и стекала дальше тонкой струёй. По краям лежал рыхлый снег или что-то очень похожее на снег — грязное, зернистое, пропитан-

ное пеплом.

Талая вода.

Скорее всего.

Я коснулся поверхности левым корнем. Холод ударил в чувствительные ткани основания. Никакой боли, никакой немедленной химической реакции. Я подождал, потом набрал немного ладонью и понюхал.

Камень, пепел, слабый минеральный привкус. Ничего, от чего организм попытался бы немедленно закрыть слизистые.

Я отпил совсем немного.

Подождал ещё.

Тело отреагировало быстрее меня: спазм в горле, судорожное желание пить, расширившиеся сосуды под языком, будто организм пытался высосать влагу прямо из капли.

— Спокойно.

Я сказал это себе, но сам уже зачерпывал вторую порцию.

Жадно пить ледяную воду после обезвоживания было плохой идеей даже до того, как я стал этим.

Теперь организм мог исправлять часть ошибок.

Цена ошибки всё равно оставалась моей.

Я пил маленькими глотками.

Вода была настолько холодной, что зубы ныли. Она проходила по пищеводу ледяной полосой и ложилась в желудок тяжестью.

Через несколько минут сердце перестало молотить в горле.

Не стало нормальным.

Просто чуть успокоилось.

Я сидел возле каменной чаши, опираясь спиной на мокрый склон, и чувствовал, как тело распределяет полученное.

Сначала кровь, потом слизистые, затем ткани вокруг старых повреждений. Во рту стало не так сухо, зрение перестало слегка пульсировать в такт сердцу, а тупая боль под правой лопаткой ослабла.

Организм умел делать простые вещи.

Иногда это нравилось мне больше всего.

Вторая проблема сидела в животе. Голод уже не был пустотой — он стал болью, медленной, глубокой, злой.

Желудок давно не определял мои потребности. После всех перестроек чувство голода приходило отовсюду: из крупных мышц, печени, костного мозга, корней, желез. Будто всё тело одновременно спрашивало, не собираюсь ли я наконец перестать тратить его на приключения.

Я осмотрел берег.

Растительность вокруг воды пережила пожар хуже, чем камни, но лучше, чем лес.

В трещинах росли низкие тёмно-зелёные пластины. Не листья. Скорее толстые мясистые лепёшки, прижатые к земле. По краям на них лежал пепел, середина оставалась влажной.

Я уже встречал похожую местную растительную массу раньше. Не именно эту форму — я не был ботаником даже

на Земле, а здесь тем более не собирался строить карьеру по внешнему сходству.

Но химический анализ собственного организма хотя бы позволял сначала проверить, не ядовито ли это.

Я сорвал небольшой кусок.

Из разрыва выступила прозрачная слизь.

Запах — минеральный, терпкий, с чем-то вроде сырой картошки.

Я коснулся слизью кончика языка.

Горечь.

Соли.

Немного сложных сахаров.

Слабый раздражитель, который печень и слизистая уже умели обрабатывать.

Не еда.

Но материал.

Я съел кусок.

Потом второй.

Жевать это было всё равно что пережёвывать мокрую резину, которую кто-то вымачивал в земле. Мякоть скрипела на зубах мелкими минеральными включениями.

— Ресторан снова держит марку.

Никто не оценил.

Хорошо.

Я тоже.

Я собирал только то, что росло плотными пятнами возле

воды, не вычищая участок полностью. Не из экологической сознательности.

Просто неизвестно, сколько мне ещё придётся возвращаться к этой луже.

Через несколько минут слабость не исчезла, но перестала расти. Организм забрал воду и растворимые вещества быстро, более тяжёлая масса легла в переработку. Этого было недостаточно, и я почувствовал это сразу: костяной магазин остался пустым, кислотная железа не дала даже знакомого давления, энергетический орган молчал. Тело выбрало кровь, воду и ремонт.

Правильный выбор.

Я бы сделал так же.

Шорох раздался справа.

Тихий.

Снизу.

Я замер.

Правую руку поднял не до конца. Левый корень оторвался от земли и чуть развернулся к звуку.

Шорох повторился.

Между двумя камнями шевельнулся пепел.

Из щели высунулась узкая голова размером с мой кулак.

Существо было небольшим. Длинное тело пряталось под камнем. Кожа серо-бурая, почти сливалась с грязью. Передняя часть морды закрывалась двумя твёрдыми пластинами, которые расходились в стороны, когда оно принюхивалось.

Падалыщик.

Так я решил по запаху, когда ветер донёс до меня его дыхание и то, чем была испачкана морда.

Старая кровь.

Гниющая ткань.

Он смотрел не на меня.

На растительную массу в моей руке.

Потом всё-таки почувствовал меня целиком.

Пластины на морде сомкнулись.

Существо попятилось.

Умное решение.

Я был медленнее, чем обычно.

Но оно об этом не знало.

Падалыщик дёрнулся в щель.

Я бросил кусок растения чуть левее.

Он остановился.

Не вышел.

Только голова снова показалась между камнями.

— Давай, — прошептал я. — Сделаем вид, что это честная сделка.

Я отодвинулся на полшага.

Существо вытянуло переднюю часть тела.

Четыре короткие лапы.

Длинный гибкий корпус.

Ещё пара конечностей ближе к хвосту.

Ничего впечатляющего.

Размером с крупную собаку, если собаку кто-то собрал по памяти и ошибся в количестве деталей.

Оно добралось до брошенной мякоти и прижало её передними лапами.

Я не включал перегрузку.

Не пытался делать рывок.

Просто дал ему начать есть.

Потом левый корень коротко ударил сверху.

Крюк был недлинным, зато сильным.

Раздался хруст.

Падальщик дёрнулся, задние лапы заскребли по камню. Я навалился коленом, поймал шею левой рукой и быстро довернул.

Тело обмякло.

Сердце у меня колотилось так, будто я победил что-то достойное уважения.

Я несколько секунд стоял над маленькой тушей и тяжело дышал.

— Никому не расскажем.

Правое плечо после одного движения ныло.

В бедре дрожали мышцы.

Когда-то такого противника я бы даже не счёл боем.

Сейчас это и не было боем.

Это была проверка реальности.

Реальность сообщила, что я голодный идиот с хорошими остаточными функциями.

Я подтянул тушу к воде.

Поглощение началось без задержки.

Корневые ткани раскрылись на контакте. Не широко. Не жадной сетью, как после хорошего кормления. Организм сэкономил даже здесь.

Сначала жидкость.

Потом кровь.

Потом мягкие ткани.

Тепло пошло вверх от корня к боку.

Живот свело.

Рот наполнился слюной, хотя я ничего не жевал.

Запах свежей крови стал почти болезненно приятным.

Вот это мне не нравилось.

Не сам голод.

К нему я давно привыкнуть не смог, но хотя бы понимал.

Нравилась мне всё меньше нормальность происходящего.

Убил.

Прижал.

Корень вскрыл ткани, и организм потянул из них всё пригодное, быстро превращая чужое мясо в материал для ремонта.

Без отвращения организма.

Отвращение оставалось только у меня.

И то не всегда успевало.

Я смотрел на серую воду и ждал, пока падальщик станет легче.

Через несколько минут тепло стало сильнее. Под кожей правого плеча начался зуд.

Старые микротрещины в мышцах и соединительной ткани закрывались. Сосуды расширялись, пропуская кровь в участки, которые до этого организм держал на минимуме. Боль под лопаткой стала тупее, в правом корне появилось чуть больше давления. Чувствительность не вернулась, длина не изменилась, левый крюк тоже не стал длиннее.

И это было хорошо.

Если после каждой съеденной ящерицы у меня начинало расти что-то новое, я бы давно перестал проходить в двери.

Остатки туши уменьшались.

Я остановил поглощение раньше, чем организм захотел.

Не потому, что наелся.

До этого было далеко.

Просто запах от разорванной ткани уже расходился по ложбине.

А я не знал, кто здесь считает падальщика падалью.

Я поднялся.

Мир слегка качнулся.

Потом выровнялся.

Лучше.

Ненамного.

Но лучше.

Я снова напился.

В этот раз вода не вызвала спазм.

Наполнил внутренний запас настолько, насколько тело позволяло без тяжести и потери подвижности. Никакого отдельного внешнего пакета у меня не было. Значит, следующий источник воды придётся искать снова.

Повторитель лежал при мне мёртвым грузом.

Я вынул его, посмотрел на корпус и спрятал обратно.

Ни света.

Ни сигнала.

Ничего.

Когда-то это раздражало бы.

Теперь неработающая человеческая техника казалась почти уютной.

По крайней мере она не пыталась прорасти мне под кожу.

Металлический остаток ключа тоже был на месте.

Погнутый.

Бесполезный как ключ.

Полезный как кусок металла.

Две ампулы — целы.

Я проверил их ещё раз.

После воды и небольшой порции биомассы желание использовать одну на себя стало опаснее.

Потому что теперь я мог идти.

А когда можешь идти, мозг быстро начинает объяснять, почему стоит сделать себе ещё немного лучше.

Савин, ты же важный.

Савин, без тебя они не выживут.

Савин, одна ампула ничего не решит.

Очень удобные мысли.

Я их знал.

И потому продолжил путь с двумя ампулами.

Если у горы никого не останется, тогда уже буду решать, что делать дальше.

Не раньше.

К середине следующего подъёма я понял, насколько сильно изменилась местность.

Старый склон, который раньше спускался плавно, теперь был разрезан свежим руслом. Вода ушла под камень и вымыла грунт. Пришлось обходить по верхней кромке.

Там пахло недавним пожаром сильнее.

Не свежим огнём.

Свежим разрушением того, что огонь оставил после себя.

Обугленные стволы падали один за другим. Где-то под землёй оседали сгоревшие корни. Ветер двигал серые облака пыли. Иногда издалека доносился глухой треск, и часть склона медленно сползала вниз.

Я не спешил.

Это раздражало.

Не медленность.

Осторожность.

Раньше я мог позволить себе больше ошибок, потому что потом было чем их оплатить. Кислота открывала путь. Шила давали дистанцию. Перегрузка позволяла выиграть секунду.

Энергия — пусть ограниченно — давала ещё один вариант.
Сейчас вариантов было меньше.

И сразу выяснилось, что обычный камень снова может стать серьёзной проблемой.

Хорошее напоминание.

Органы и проводящие пути никуда не делись. Но без запаса в нужную секунду пользы от них было не больше, чем от пустого магазина.

Я обошёл трещину по широкой дуге.

Правое плечо к этому времени двигалось чуть свободнее. Не нормально, просто меньше запаздывало. Пальцы перестали неметь после каждого сжатия. Ремонт шёл медленно. Весь доступный материал уходил туда, где повреждения мешали мне дойти: в плечо, пальцы и перегруженные ткани вокруг корней.

Разумно.

Мне хотелось большего.

Это тоже было разумно.

Я прошёл ещё несколько километров.

Или меньше.

Без нормальной карты расстояние превращалось в ощущение времени, а время у меня сегодня и так было сомнительным.

Свет менялся.

Солнце уходило за тонкую облачность, потом появлялось снова. Холод усиливался по мере подъёма. Дыхание стало

заметным паром.

Я нашёл каменный выступ, закрытый от ветра, и сел.

Не потому, что хотел.

Потому что ноги начали дрожать.

Спина упёрлась в камень.

Левый корень лёг рядом, сохраняя опору. Правый прижался к боку. Его основание слегка пульсировало — ткани перераспределяли кровь.

Я закрыл глаза.

Сон пришёл сразу.

Это испугало сильнее боли.

Я открыл глаза.

— Нет.

Тело не согласилось.

Веки снова потяжелели.

После корабля я спал урывками. Организм ремонтировал себя между угрозами, но нормального отдыха не было. Сейчас вода и биомасса сняли самую острую аварийность, и мозг решил взыскать долг.

Возможно, это было полезно.

Возможно, если я усну здесь надолго, меня найдёт местная версия полезного санитарного работника и объяснит пищевую цепочку с другой стороны.

Я позволил себе несколько минут.

Не полноценный сон.

Просто сидел с закрытыми глазами и слушал.

Ветер.

Камни.

Далёкий хруст стволов.

Капли воды где-то под снегом.

Собственное сердце.

Ритм был ровнее.

Не хороший.

Ровнее.

Под веками всплывал корабль.

Не как картинка.

Как остаточные ощущения.

Металл под ладонями.

Чёрно-синяя линия.

Белая ткань Руденко.

Голос Елены в канале.

Двадцать отметок.

Я оставил их там.

Правильно ли?

Другого решения у меня не было.

Оставаться на корабле означало превратиться в ещё одну систему обслуживания, которую все ждут из коридора. Выходить с двадцатью людьми наружу сейчас было ещё хуже. Они не знали местность, многие были слабы, часть ранена, а я сам едва мог идти.

У горы были люди.

Если были.

И у меня было обещание, которое я никому вслух не давал.

Вернуться.

Проверить.

Не забыть.

На этой планете молчаливые обещания почему-то весили тяжелее произнесённых.

Я открыл глаза.

Свет стал ниже.

Сколько я просидел?

Не знал.

Несколько минут.

Может, больше.

Паники не было.

Вот и вся моя точность.

Я встал.

Колени сначала возмутились, потом приняли вес.

Пошёл дальше.

К вечеру пепла стало меньше.

Камня — больше.

Местная растительность возвращалась пятнами. Низкие жёсткие стебли цеплялись за трещины. Между ними росли тёмные подушки мха или того, что решило им притвориться.

Я не трогал всё подряд.

Голод оставался, но стал терпимым.

До следующего серьёзного кормления нужно было дойти

живым.

А не набить себя первой попавшейся химией и провести ночь в судорогах.

Один раз я заметил движение на дальнем склоне.

Крупное.

Слишком крупное.

Тень прошла между камнями и исчезла.

Я замер, присел и ждал.

Ничего.

Запах ветер не принёс.

Вибрации были слишком слабыми для уверенного чтения на таком расстоянии.

Раньше любопытство могло бы победить.

Сегодня нет.

Гора была в другой стороне.

Я не охотился.

Я возвращался.

Разница полезная.

К ночи температура упала быстро.

Я нашёл углубление между двумя плитами, закрытое сверху нависающим камнем. Не пещера. Просто место, где ветер не пытался выморозить меня насквозь.

Разжигать огонь было нечем и незачем.

Я сел, подтянув ноги.

Бронева сетка уплотнилась на спине и бёдрах, где тело касалось холодного камня, потом частично отпустила напря-

жение.

Организм сохранял тепло.

Снова старое.

Снова полезное.

Я проверил плечо: медленно поднял руку до уровня лица. Онемение осталось, но движение стало ровнее. Сжал пальцы, разжал. Левый корень удерживал вес без дрожи, правый всё ещё оставался коротким. Никакой новой длины.

Кислотная железа — почти пусто: где-то глубоко появилась слабая химическая активность, но секрета, который можно было бы использовать, ещё не было. Костяной магазин принимал минералы из пищи, но готовых шил не сформировал. Энергетический резерв — пуст. Это было важно не перепутать.

Тело восстановилось настолько, чтобы продолжать.

Не настолько, чтобы снова считать себя сильным.

Я лёг на бок.

Повторитель давил через ткань.

Переложил его так, чтобы не упирался в ребро.

Металлический фрагмент — туда же.

Ампулы проверил в третий раз.

— Паранойя, — сказал я в темноту.

Темнота не спорила.

Хороший собеседник.

Я уснул кусками.

Просыпался от холода.

От собственного движения.

Один раз — от далёкого крика, похожего на скрежет металла по камню.

Ничего не подошло.

Перед рассветом тело окончательно перестало дрожать.

Когда я поднялся, мышцы ныли, но уже не ощущались пустыми верёвками.

Вода, растительная масса и падальщик сделали своё — минимум, ровно столько, сколько здравый смысл позволял назвать восстановлением.

Я продолжил путь.

Утренний воздух оказался ещё холоднее. На камнях лежала тонкая ледяная плёнка. Я несколько раз скользнул, но сцепление ступней удержало меня.

Правое колено работало.

Плечо — тоже.

Не идеально.

Но теперь рука поднималась без секундной задержки.

Это уже было заметно.

Я поймал себя на том, что ускоряюсь.

Сразу сбавил темп.

Рано.

Через час или около того дорога вышла на высокую открытую площадку.

Я помнил её.

Не сам камень.

Угол.

Отсюда раньше впервые становилась видна дальняя часть горной гряды.

Я поднялся на край.

Ветер ударил в лицо.

Облака разошлись.

И гора появилась.

Сначала тёмная линия.

Потом знакомый массив, разрезающий горизонт.

Я остановился.

Внутри что-то отпустило.

Совсем немного.

Она была там.

Глупая мысль.

Горы обычно не уходят.

Но за последние недели я видел достаточно вещей, которые не должны были двигаться, расти, оживать и встраиваться в чужую плоть, чтобы не доверять даже геологии.

Я смотрел долго.

И постепенно понял, что вид неправильный.

На светлом каменном склоне ниже гребня лежала широкая тёмная полоса.

Раньше её не было.

Я прищурился.

След начинался высоко, проходил через знакомое направление подъёма и уходил вниз веером.

Каменный сход.

Недавний.

Даже отсюда было видно более светлую свежую породу там, где внешний слой сорвало со склона.

Мой прежний путь проходил примерно там.

Я почувствовал, как голод, усталость и холод на секунду отступили.

Осталось только одно.

Если сход закрыл вход...

Я не закончил мысль.

Закончу на месте.

Я поправил вещи, проверил две ампулы и пошёл к горе быстрее, чем стоило.

Глава 2 — Голод

Каменный сход оказался дальше, чем выглядел с высоты. Гора вообще любила обманывать расстоянием. Пока смотришь на неё через низкие холмы, кажется, что достаточно пройти ещё один склон — и упрёшься ладонью в серую стену. Потом поднимаешься, спускаешься, обходишь ложбину, перелезаешь через корни, а гора всё стоит впереди, будто сама отступает ровно на столько, сколько ты успел пройти.

Я шёл быстрее, чем вчера. Не быстро — просто тело снова начало соглашаться с тем, что ноги предназначены для движения, а не для демонстрации списка повреждений.

После воды и небольшой добычи правое плечо перестало запаздывать при каждом шаге. Рука всё ещё двигалась хуже левой, но теперь я хотя бы чувствовал момент, когда стопа уходила на неровный камень, и мог вовремя переносить вес. Сердце держало ритм. Дыхание стало глубже. В животе оставалась пустота, но она больше не сжимала всё тело в одну голодную судорогу.

Этого хватало, чтобы сделать ошибку. Я сделал её примерно через час. Не самую большую. Пока.

Свежий след пересекал старую полосу пепла у основания склона. Три вытянутых отпечатка, каждый шире моей ладони, между ними короткие борозды. Существо ставило конечности несимметрично. Два следа глубже. Третий почти

скользил по поверхности.

Я остановился. Ветер шёл от меня к следу. Плохо. След был свежим: края не успели осыпаться, а в одной борозде ещё блестела влага.

Я присел и коснулся грязи пальцами.

Тёплой она не была.

Полезной информации — тоже немного.

Я поднялся и обошёл место по дуге, стараясь выйти ниже по ветру. Склон порос низким серым кустарником. После пожара часть ветвей обуглилась, но новые побеги уже пробивались из чёрных оснований. Они пахли горько, почти лекарственно. Химическая чувствительность отмечала много органики и слишком мало того, что сейчас было нужно телу.

Корм. Настоящий, не листья. Охотиться я не собирался, но ветер принёс плотный запах тёплой крови и жирного мяса — и голод сразу усилился.

Тело отреагировало раньше мысли. Поглощающие каналы в ладонях раскрылись на долю секунды. Под языком выступила вязкая слюна. Мышцы живота сжались.

Я медленно выдохнул.

— Мы идём к людям.

Желудок ответил ещё одним спазмом. Словами он, к счастью, пока не спорил; если начнёт, голод перестанет быть главной проблемой.

Я продолжил путь.

Ещё двадцать шагов. Потом справа, из кустов, донёсся

хруст. Я замер. Второй — ниже. Не погоня: существо тоже двигалось к склону и пока не видело меня.

Я сместился к большому камню. Левый корень лёг на поверхность и принял часть веса. Через него пришла слабая дрожь — короткая, неровная. Не настоящая карта. Просто контакт.

Три опоры. Пауза. Ещё три. Размер небольшой, может быть, вдвое легче меня.

В нормальном состоянии я бы прошёл мимо или убил его за несколько секунд.

Сейчас слово «нормальном» относилось к человеку, которого уже давно не существовало.

Хруст приблизился.

Я вытащил погнутый металлический остаток ключа.

Оружием он не был.

Но кусок человеческого металла в руке всё ещё действовал на нервы успокаивающе.

Слева между кустами мелькнула тёмная спина.

Существо вышло на открытый участок почти бесшумно.

Низкое, примерно по пояс. Три мощные конечности сходились под широким телом, будто кто-то решил собрать хищника на неправильном количестве ног и остался доволен результатом. Передняя часть была ниже задней. Голова плоская, без заметной шеи, из верхней челюсти выступали два коротких загнутых зуба. Кожа покрыта редкой жёсткой щетиной, на боках — старые белые рубцы. Не молодое.

Треног.

Оно увидело меня одновременно с тем, как я увидел его полностью.

Мы оба остановились.

Хищник прижал тело к земле.

Я не двигался.

В прежние недели я уже научился одной простой вещи: местные существа не обязаны нападать только потому, что у них есть зубы. Иногда достаточно оставить дорогу. Иногда — не показывать слабость.

Я медленно сделал шаг в сторону.

Хищник пошёл за мной взглядом.

Второй.

Его ноздри раскрылись.

Запах крови. Моей: старые трещины кожи, плохо закрытые сосуды у плеча, микроповреждения после дороги. Плохой аргумент в переговорах.

Тварь коротко рванула головой.

Предупреждение.

Я остановился.

— Ладно. Стоим.

Она сделала шаг.

Я тоже.

В разные стороны.

Хищник шагнул снова.

Уже не в сторону.

Ко мне.

Вот и договорились.

Я опустил центр тяжести.

Правый корень прижался к боку, готовый стать фиксатором. Левый короткий крюк лёг на камень. Бронева сетка уплотнилась по груди и левому предплечью.

Энергия — пусто, кислота — пусто, шила — ноль. Перегрузка — только если я решу умереть очень энергично. Значит, обычная работа.

Хищник бросился.

Быстрее, чем я ожидал.

Первый прыжок был почти плоским. Три конечности ударили по земле одновременно, тело вытянулось вперёд, голова ушла вниз.

Я хотел уйти вправо.

Правое плечо не успело.

Не рука.

Весь разворот корпуса запоздал на мгновение, потому что я машинально пытался вывести правую сторону так же, как раньше.

Зуб прошёл по ребрам.

Бронева сетка успела уплотниться.

Удар всё равно сбил меня.

Я покатился по склону, ударился левым бедром о камень и потерял металл.

Хищник развернулся сразу.

— Конечно.

Я поднялся на колено.

Левый корень зацепился за выступ и дёрнул корпус в сторону.

Вторая атака прошла там, где секунду назад находилась грудь.

Тварь проскользнула по мокрой земле, но удержалась всеми тремя конечностями. Передняя лапа повернулась почти поперёк тела.

Вот почему следы были несимметричными: суставы позволяли резко менять направление. Хорошо. Теперь я знал хоть что-то.

Хищник снова прижал голову.

Я не стал ждать.

Поднял с земли камень размером с кулак и бросил.

Он попал в бок.

Не повредил.

Но тварь дёрнулась.

Я пошёл следом.

Три быстрых шага, насколько позволяли ноги, и удар левой ногой в переднюю конечность.

Сустав сложился.

Хищник завалился на бок, но вместо падения провернул тело вокруг опорной лапы.

Пасть оказалась возле колена.

Я успел подставить правый корень.

Зубы сомкнулись на нём.

Боль пришла сразу.

Не страшная.

Настоящая.

Костно-минеральные волокна внутри короткой конечности выдержали, наружная ткань лопнула. Тёплая жидкость пошла по коже.

Хищник дёрнул головой.

Меня повело за ним.

Я ударил металлическим остатком ключа в глаз.

Точнее — туда, где глаз должен был быть.

Пластина над глазницей приняла удар.

Металл отскочил.

Я понял две вещи: у него была защита, а кусок ключа я всё-таки поднял в падении, сам того не заметив. Полезная привычка.

Хищник снова дёрнул корень.

Я шагнул к нему, а не от него.

Правой рукой зацепил нижнюю челюсть.

Плечо отозвалось болью.

Левой ударил металлическим краем под челюстную пластину.

Вошло неглубоко.

Тварь взвыла.

Звук был низким, почти вибрацией.

Зубы разжались.

Правый корень выскользнул.

Я отступил.

По его поверхности уже собиралась тёмная кровь.

Моя.

Хищник тоже отступил.

На морде появилась тонкая полоса собственной крови.

Ничья.

Меня это не устраивало.

Я мог уйти.

Наверное.

Если повернуться спиной и надеяться, что хищник внезапно вспомнит правила спортивной охоты.

Он снова опустился.

Нет.

Придётся кормиться.

Мы пошли друг вокруг друга.

Тварь была осторожнее.

Я — тоже.

Первый обмен показал главное: я всё ещё пытался двигаться телом, которого у меня больше не было. Старые привычки требовали от правого плеча того, чего оно пока не давало, корни стали короткими, дальний захват исчез. Любое движение нужно было строить ближе.

Хищник прыгнул.

Я не уходил далеко.

Шаг влево.

Левый крюк в землю.

Поворот вокруг него.

Пасть прошла рядом с животом.

Правый корень зажал заднюю конечность у самого основания.

Коротко.

Сильно.

Именно для этого он теперь подходил.

Хищник попытался вырваться.

Я отпустил раньше, чем меня потащило.

Не победа.

Зато без падения.

В следующий раз тварь изменила атаку.

Не прыгнула.

Пошла низко, короткими рывками, заставляя меня реагировать.

Умная.

Не человек.

Но и не мешок мяса.

Я отступал к каменной гряде.

Там лежали два крупных обломка, между ними узкий проход.

Если существо зайдёт туда, три опоры перестанут быть преимуществом.

Оно почувствовало направление и остановилось.

Я тоже.

Несколько секунд никто не двигался.

Ветер трепал щетину на его спине.

Из повреждённого правого корня капала кровь.

Плечо ныло.

Голод стал ещё сильнее.

Смешно.

Чем ближе еда, тем хуже организм переносил отсутствие еды.

Хищник качнул головой.

Потом неожиданно отступил.

Один шаг.

Второй.

Я не поверил.

Третий.

Он действительно мог уйти.

И вот тут тело сделало то, чего я не просил.

Поглощающие каналы раскрылись.

Не полностью.

Просто запах крови стал ярче, будто мир вдруг сузился до одной тёплой цели.

Я сжал кулак.

— Нет.

Хищник замер.

Услышал голос.

Повернул голову.

Я стоял.

Он мог уйти.

Я мог отпустить.

Лада, десять остальных, две ампулы, гора, пустой кислотный мешок, ноль шил и правое плечо, которое проиграло первый поворот. Мне нужен был ресурс.

Не потому, что организм хотел.

Потому, что дальше я мог не дойти.

Разница была тонкой.

Но она оставалась моей.

Я пошёл вперёд.

Хищник понял.

Теперь отступал он.

Скрыться в кустах не успел.

Я подхватил с земли длинный обгоревший корень дерева и бросил поперёк его пути. Тварь перепрыгнула, как и ожидалось.

На приземлении третья конечность ушла глубже в мягкую землю.

Я был рядом.

Левый корень вцепился в выступ на спине.

Правый — зажал заднюю лапу.

Я навалился всем корпусом.

Хищник развернулся подо мной.

Зубы вошли в левое предплечье.

Бронева сетка приняла первую часть давления.

Потом один зуб продавил между укреплёнными зонами.

Кожа лопнула.

Мышцу сжало.

Я ударил металлическим остатком ключа под челюсть.

Раз.

Второй.

На третьем металл прошёл глубже.

Тёплая кровь хлынула по кисти.

Хищник дёрнулся.

Зуб вышел из руки, разрывая ткань.

Я не отпустил.

Левой ладонью прижал морду к земле.

Поглощение открылось.

Каналы вошли в свежую рану под челюстью.

Тварь выгнулась.

Я почувствовал чужую кровь не вкусом.

Давлением.

Теплом.

Химией.

Организм начал забирать жидкость быстрее, чем я хотел.

Хищник ещё был жив.

Я закрыл каналы.

Не из жалости.

Из расчёта.

Попытка кормиться во время активного сопротивления уже не раз объясняла мне, насколько уязвимым становится собственное тело.

Сначала убить.

Потом есть.

Я вжал колено в грудную клетку.

Правая рука плохо слушалась, поэтому обеими ладонями перехватил металлический фрагмент и толкнул его в ту же рану.

Хруст.

Сопротивление стало слабее.

Ещё один рывок.

Потом тело обмякло.

Я не отпускал несколько секунд.

Слушал.

Смотрел.

Ждал.

Три конечности больше не напрягались.

Грудь не двигалась.

Я сел рядом. Левое предплечье кровило, правый корень был разорван по поверхности, плечо дрожало от перегрузки. И всё это уже от небольшого хищника.

— Неплохо вернулся в форму.

Никто не ответил.

Я вытер металлический фрагмент о щетину и сразу убрал его обратно.

Потом положил обе ладони на тушу. Организм сорвался — не красиво, не постепенно. Голод, который я держал всю дорогу, превратился в физическую судорогу. Каналы рас-

крылись по ладоням и корням. Чужая кровь пошла внутрь.

Тепло ударило в грудь. Сухость во рту отступила, пульс стал ровнее, а повреждённые мышцы почти сразу отозвались тяжёлым зудом: организм наконец получил материал, которого ему не хватало всю дорогу.

Я втянул воздух.

Запах сырого мяса стал слишком сильным.

Рот наполнился слюной.

Тело хищника постепенно теряло плотность. Сначала ушла кровь. Потом мягкие ткани. Организм выбирал быстро и жадно, но не беспорядочно.

Я следил за этим.

Правое плечо нагрелось первым. Внутри мышц начался знакомый ремонт.

Старые волокна, которые после корабля работали неполноценно, получили материал. Кровь прилила к лопатке. Появился зуд, потом давление, будто кто-то медленно стягивал разорванную сетку изнутри.

Левое предплечье жгло сильнее. Края укуса потянулись друг к другу, сосуды закрылись, мышечный разрыв начал заполняться новой тканью.

Правый корень дёрнулся.

Поверхностная рана затянулась быстрее руки. Внутренние волокна сохранились, поэтому организму не пришлось строить конструкцию заново.

Я не вставал.

Поглощение продолжалось.

После мягких тканей система добралась до внутренних органов.

Часть отбрасывала.

Часть брала.

Печень хищника содержала неприятные соединения. Фильтры задержали их и отправили в переработку медленнее. Железистые ткани возле желудка дали концентрированные соли. Кости — минералы.

На минералах костяной магазин отозвался тупым давлением глубже вдоль боков и спины.

Пустые структуры начали заполняться сырьём.

Не готовыми шилами.

Материалом.

Я продолжал кормиться.

Туша была небольшой, но после корабельного голода казалась запасом на неделю.

Организм думал иначе. Он чинил плечо, предплечье, колено, сосуды, истощённые мышцы ног, кожу и связки. Даже дыхание стало глубже, будто часть ресурса уходила на поддержание лёгких.

Я остановил поглощение, когда осталось меньше половины туши.

Сразу захотел продолжить.

Так сильно, что пальцы сами сжались на остатке ткани.

Я отнял руки.

— Хватит.

Голод не исчез.

Но стал терпимым.

Главное — я мог оценивать состояние без того, чтобы весь мир превращался в список съедобного.

Я поднялся.

Правое плечо двигалось лучше, хотя не идеально. Я отвёл руку назад — боль, но без прежней тупой задержки. Сделал круг. Возле лопатки хрустнуло, мышцы удержали.

Хорошо.

Левое предплечье уже не кровило. Укус оставался красной неровной полосой. Правый корень чувствовал нагрузку почти как до боя.

Вода.

Соли.

Белок.

Организм получил достаточно, чтобы снова стать опасным хотя бы для меня самого.

Я посмотрел на остаток туши.

Можно было оставить.

Идти дальше.

Рациональный человек, возможно, так бы и сделал.

Рациональный человек ещё имел бы рюкзак, контейнеры и нормальную еду.

У меня была собственная кожа вместо сумки и привычка решать логистику желудком.

Я снова опустился.

Поглощение закончилось только тогда, когда от хищника остались кости, часть жёсткой щетины и плохо перерабатываемые ткани.

Кости я тоже использовал не полностью.

Минералы шли медленно.

Костяной магазин наполнялся.

Где-то глубже началась знакомая работа: материал уплотнялся, формируя заготовки.

Я не торопил.

Торопить такие процессы обычно означало получить кривую кость там, где она особенно мешает.

Вместо этого пил воду из небольшого ручья ниже склона.

Потом сидел, пока тело работало.

Солнце — или местный его аналог сквозь облака — поднялось выше. Ветер стал суше. Гора уже занимала половину горизонта.

Я проверил плечо снова.

Лучше.

Правый корень держал мой вес без боли.

Левый тоже.

Тело на этом не остановилось.

Когда я несколько раз подряд перенёс вес на короткие корни, вдоль их оснований появилось знакомое тугое жжение. Не боль крупной перестройки — скорее предупреждение. Каналы, по которым шли кровь и питательная масса,

оставались рассчитаны на прежнюю геометрию и после последних повреждений слишком легко пережимались при боковой нагрузке.

Организм использовал свежий материал без моего отдельного приказа.

Соединительная ткань вокруг оснований уплотнилась. Несколько сухожильных пучков у плеча и таза стали толще, перераспределяя рывок ближе к корпусу. Внутренние каналы корней получили более плотные стенки там, где их уже несколько раз рвало и пережимало.

Просто старое тело перестало ломаться в одном и том же месте с одинаковым усердием.

Жжение держалось несколько минут и ушло. После него правый корень всё так же оставался коротким и плохо чувствовал поверхность. Левый не стал длиннее. Зато оба переносили резкий боковой рывок ровнее, без неприятного ощущения, будто основание вот-вот выдернет из спины.

Мелочь.

Именно из таких мелочей я теперь и состоял.

Ноги получили не запас, а рабочую возможность.

Внутри кислотной железы появилась слабая тяжесть. Пока не секреция для боя, но пустотой это уже не было. Энергетический орган оставался пуст.

Вот его обычной едой быстро не наполнить.

Мне это даже нравилось.

Хотя бы одна система не требовала съесть половину пла-

неты прямо сейчас.

Я поднялся и пошёл дальше.

Перед тем как окончательно уйти от места охоты, я заставил себя проверить тело не стоя на месте, а в движении.

Первые десять шагов прошёл медленно. Потом ускорился настолько, насколько позволял склон. Правое плечо теперь участвовало в балансе, но при резком отведении руки назад всё ещё отзывалось глубокой тянущей болью. Значит, ремонт начался, а старые повреждения никуда волшебным образом не исчезли.

Я подобрал с земли тонкую сухую ветку и перебросил её из левой руки в правую. Поймал. Ещё раз. На третьем броске пальцы запоздали, ветка ударила по ладони и упала.

Нормально.

Лучше узнать это сейчас, чем когда вместо ветки в руку летит чья-нибудь челюсть.

Правый корень я проверил на камне: зацепился коротким захватом, перенёс часть веса, отпустил. Чувствительность оставалась плохой. Давление я чувствовал, мелкие неровности — почти нет, зато силовая часть работала. Левый крюк выдерживал лучше. Два коротких органа вместо прежней длины выглядели бедно, но имели одно преимущество, которое раньше я бы не заметил: меньше рычаг, меньше шанс самому вырвать основание, если что-то тяжелее меня решит потянуть в другую сторону.

Организм не вернул утраченное.

Он научился жить с остатком.

В этом было что-то слишком знакомое.

Я вернулся к костям хищника и поднял один из обломков. На поверхности оставался тонкий слой мягкой ткани. Запах снова ударил в нос.

Раньше меня бы вывернуло.

Потом я долго заставлял себя не думать, что именно делаю.

Теперь самое неприятное заключалось в другом.

Это стало обычным.

Я видел тушу и сначала оценивал не смерть, а то, сколько из неё сможет забрать изголодавшееся тело. Мог отличить пригодную ткань от токсичной по запаху. Знал, сколько примерно выдержит фильтрация. Понимал, что после полной переработки плечо заработает лучше.

Нормальность сместилась тихо, без отдельной мутации и без сообщения. Просто однажды ты сидишь на чужой планете, облизываешь с губ тёплую кровь неизвестного зверя и больше не спрашиваешь себя, как до этого дошёл.

Потому что ответ слишком длинный.

Я бросил кость.

Холодный воздух прошёл по горлу. От разогретого после поглощения тела поднимался слабый пар. На месте укуса кожа уже закрылась, но под ней ещё шёл ремонт. Иногда мышца коротко сокращалась сама, перестраивая волокна.

Я дождался, пока дрожь прекратится.

Пить хотелось снова.

Не критически.

Это тоже было важно. Регенерация не создавала воду. Любой ремонт тянул её из общего запаса, и если я сейчас сорвусь на максимальное восстановление, через несколько часов снова начну искать ручей с языком, прилипшим к небу.

Поэтому следующий источник воды я не прошёл.

Между камней стекала тонкая струйка. Я очистил ладонью верхний желоб от пепла, дал воде несколько минут промыть грязь и только потом пил. Никакой особой церемонии. Проверка химии, несколько глотков, пауза, ещё несколько.

Тело принимало влагу спокойно.

Почти мирно.

Если не считать засохшей крови на руках и костей в пятидесяти шагах.

Я вымыл лицо.

Вода стала розовой.

Потом прозрачной.

Посмотрел на отражение в небольшой луже и сразу пожалел.

Лицо оставалось моим достаточно, чтобы узнавать.

И уже не моим достаточно, чтобы задерживать взгляд.

Кожа местами плотнее. Линии сосудистой и броневой перестройки видны под поверхностью. Шея толще. Движения слишком экономные. Даже когда я просто наклонялся к воде, тело распределяло опору так, будто ожидало удара.

— Красавец.

Отражение не возразило.

Я выпрямился.

Лада видела меня раньше.

Остальные тоже.

Но после корабля я изменился ещё.

Не так сильно внешне, как в начале пути. Зато теперь в каждом движении было больше чужой биологии, которую организм уже не пытался маскировать под нормального человека.

Если они живы, вопрос будет не в том, узнают ли.

Узнают.

Вопрос — насколько быстро вспомнят, что я всё ещё пришёл помочь.

Я не стал додумывать дальше.

До людей сначала нужно добраться.

Теперь темп изменился: не рывок, просто длиннее шаг, меньше остановок. Плечо включалось в движение.

Тело снова начинало напоминать то, которое пережило дорогу к «Альтаиру», а не пустую оболочку, вышедшую из него.

Через несколько километров я почувствовал первый укол вдоль боковой костной структуры и остановился. Заготовка: организм завершал одно короткое шило. Я не выпускал его — пусть лежит. Ещё через некоторое время начал формироваться второй, потом третий. Медленно. На большее ма-

териала пока не хватало.

Три — уже не ноль.

Ещё недавно это количество показалось бы смешным.

Сейчас — приятно.

Я добрался до основания каменного схода ближе к вечеру.

Сверху он выглядел как светлая полоса.

Снизу оказался стеной.

Целый участок склона съехал вниз, притащив камни, грязь, обломки деревьев и куски старой породы. Некоторые глыбы были размером с жилой модуль. Между ними лежала свежая серая крошка.

Я подошёл ближе.

Запах земли был сильным.

Недавним.

Под верхними слоями ещё держалась влага.

Сход произошёл не очень давно.

Насколько — не скажу.

Достаточно, чтобы следы дождя ещё не успели полностью сгладить поверхность.

Я пошёл вдоль завала.

Старый ориентир должен был быть правее.

Два тёмных вертикальных камня и между ними узкая линия входа.

Я помнил место.

Почти.

Слишком многое изменилось.

Первый вертикальный камень лежал на боку.

Второго не было видно.

Я поднялся на обломок и осмотрел склон.

Там.

Под свежими камнями выступал кусок знакомой тёмной породы.

На нём оставалась насечка.

Не природная.

Старая метка.

Я спустился.

Провёл пальцами по линии.

Да.

Здесь.

Я точно был здесь раньше.

Именно отсюда начинался путь внутрь.

Теперь передо мной лежала сплошная масса камня.

Я обошёл участок справа — прохода не было. Слева оставались узкие щели, но слишком тонкие даже для руки.

Левый корень вошёл в одну.

На глубине меньше метра упёрся в плотную плиту.

Я попробовал вторую.

Пустота.

Чуть дальше.

Но проход поворачивал и сжимался.

Не пролезть.

Я присел возле старой метки. Гора наконец перестала от-

ступать; теперь проблема была в том, что она лежала прямо передо мной.

Я положил ладонь на камень.

Слабые вибрации.

Вода.

Осыпь.

Где-то глубже — редкий треск напряжённой породы.

Ничего человеческого.

Пока.

Я переместил руку.

Ещё.

Потом левый корень.

Тишина.

— Лада.

Камень, как и ожидалось, промолчал.

Я не звал громче.

Если люди были внутри, крик через такую массу всё равно не поможет.

Если рядом были местные — поможет им.

Я нашёл ещё одну старую царапину ниже.

Наш маршрут.

Точнее, то, что от него осталось.

Новый обвал изменил вход.

Это было уже не предположение.

Я стоял перед местом, где раньше мог пройти человек.

Теперь там лежала гора.

Внутри костяного магазина завершилось первое шило.

Короткое давление отпустило.

Я почти рассмеялся.

Очень вовремя.

Шило против нескольких тысяч тонн камня.

Прекрасный набор инструментов.

Я сел у основания завала.

До темноты оставалось время.

Голод отступил.

Плечо работало.

Одно костяное шило было готово, ещё две заготовки формировались внутри, кислотная железа понемногу оживала. И впервые после выхода с корабля у меня появился ресурс для следующей проблемы.

Жаль, что проблема была размером с гору.

Я провёл ладонью по старой метке ещё раз.

Потом поднялся.

Завтра придётся выяснить, осталось ли за этим камнем кому отвечать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.